

УДК: 111.81+801.73

Сергей Шевицов

HOMO DICENS И HOMO SCRIBENS

Статья оформлена в виде диалога. Предметом рассмотрения выступает проблема истолкования. Возможность однозначного толкования определяется исходными характеристиками текста. Тексты различаются по возможности их соотнесения с понятием бытия. Письменный текст представлен как медиатор трансцендентного.

Ключевые слова: *текст, смысл, бытие, адресат, адресант, толкование.*

...Когда мы повернули за угол, то увидели, что навстречу нам движется А. N. Шел он неторопливо, словно искал повод остановиться, поэтому, поприветствовав, мы решились попросить его выбрать место для беседы, очень уж нам хотелось послушать его мнение о предмете нашего спора. А. N. задумался и предложил отправиться в то же кафе неподалеку, что и прошлый раз. На улице было шумно, и мы почти не разговаривали, приглядываясь к А. N. и пытаясь угадать, как он сегодня настроен. В кафе нас ждало приятное удивление: служащие уже вынесли столики в небольшой дворик с задней стороны, где мы смогли удобно расположиться под ветвями большого платана, едва покрытого свежей листвой.

После заказа я изложил А. N. предмет спора:

– Борис полагает, что текст может иметь множество толкований, но правильным всегда будет только одно, авторское, все же остальные не более чем остроумны. Мы же вдвоем думаем, что если текст существует, то он уже нечто отдельное от своего автора и обладает смыслом сам по себе. Поэтому все, включая автора, находятся по отношению к нему в одинаковом положении, и толкование должно следовать не из того, что хотел сказать автор, а из того, что действительно было сказано или написано. В том случае, если текст предполагает двойственность, то оба толкования будут равноправны, хотя бы они и были совсем уж различны, вроде «казнить нельзя помиловать».

А. N. немного подождал с ответом. Потом спросил как будто небрежно:

– Вы говорили о письменном тексте или об устной речи?

Мы удивились:

– А есть разница?

– Думаю, есть, – медленно и особенно отчетливо произнес он. – Возможно даже, что именно эта разница и вынуждает вас расходиться во мнениях.

Мы знали уже, что он на этом не остановится, и главным было не перебивать его.

– Устная речь,– начал А. N.,– не только существует в совершенно ином контексте, чем письменная, но и строится на совершенно иных основаниях. То, что она всегда ситуативна,– это очевидность, но сама эта ситуативность необходимо предполагает не только определенность места и времени, но и, что гораздо важнее, конкретность адресата. Собственно, я думаю, именно адресат и задает ситуацию, а также во многом определяет код и всю конструкцию речи, которая изначально строится именно с учетом его. Возможно даже предположить, что именно адресат создает речь, без него она просто невозможна, иначе она уже не будет речью, а будет чем-то другим. Как действует и что думает сам адресат при этом – не так уж важно, но для говорящего (адресанта) дело обстоит так, что адресат всегда обращен к нему, почти взывает, и приходится отвечать на этот призыв речью. Эта речь всегда приспособлена к адресату, поэтому в момент ее создания адресат оказывается чрезвычайно активен – мы ведь говорим разным людям разные вещи, это очевидно, и причиной этого выступает не только само наличие адресата, но и специфика его индивидуальности, его сущность (в нашем понимании). В этом плане адресат изначально участвует в речи своей онтологией, он оказывается задействован онтологически, что в свою очередь и объясняет принципиальное отличие молитвы от обращения, скажем, пассажира к водителю. Конечно, адресат участвует в создании речи только как фантом, то есть как образ в сознании адресанта. Но для речи этот образ, а стало быть, и сам адресат необходим. Некоторые из писателей даже признавались, что они не могут писать, пока не представят себе своего читателя, только это позволяет им найти нужную форму, интонацию и т. п.

– И безадресная речь невозможна?

– Невозможна в принципе. Даже когда человек кричит в пространство, он обращается к окружающим его предметам, но никак не к ничто, невозможно говорить к никому. Эта особенность речи открывает особые возможные интерпретации. Интерпретатор (в качестве адресата) всегда уже присутствует в речи, то есть, он должен найти себя в речи, потому что он там есть, так как речь обращена к нему. Ему нужно лишь соотнести себя-в-себе, так сказать, с собою-в-говорящем. Его интерпретация, таким образом, осуществляется именно в этом соотношении, плюс, конечно, уточнение или внесение поправок в образ говорящего, который присутствует в интерпретаторе. Само содержание речи, можно сказать, оказывается вторичным, оно разворачивается исключительно через соотношение этих двух образов. Только так можно объяснить, например, феномен увлечения детей теми предметами, учителя которых им нравятся.

Все это позволяет достигать в интерпретации точности. Относительной, конечно, но тем не менее здесь всегда присутствует единственность смысла, потому что существует единственность контекста. Речь только абстрактно можно изучать как некую передачу в рамках: адресант – кодированное сообщение – адресат. В устной речи огромное значение играет не только интонация, тембр голоса, особенности речи (темп, артикуляция и прочее), не только внешность говорящего, его жесты, движения, но и время суток, окружающая обстановка, предшествующие события, последующие и вообще все. И это все очень помогает интерпретатору. Здесь интересный материал можно найти в отношении лекций – множество студентов, но понимание происходит, и по сути оно (в тех случаях когда происходит) оказывается у совершенно разных людей в чем-то существенном сходным, очень близким. Если же предметом интерпретации оказывается, например, стенограмма, то она уже ближе письменному тексту и ее интерпретация может существенно различаться.

– Но разве не бывает так, что текст услышанной лекции разные слушатели поймут по-разному?

– Конечно. Но это все же другого рода различия, нежели при чтении письменного текста. Кроме того, в лекции надо отделить составляющую письменного текста, то есть, собственно, содержание – увы. Ведь разделение письменного текста и устной речи не абсолютно, есть множество переходных форм, например, почти забытый сегодня жанр письма.

– Почему же забытый? Электронная почта, скорее, активизировала переписку, а СМС-ки вообще самое распространенное средство общения сегодня,– возразила Катерина.

А. N. с интересом посмотрел на нее и ответил:

– Это уже нечто совсем другое. В электронном письме никогда нельзя написать того, что писали в старых, бумажных письмах. Электронное письмо будет на месте, не знаю, через минуту, пусть через пять минут после отправки. Старое письмо шло долго. Пишущий это учитывает, не может не учитывать. Он отбирает информацию, он настраивается. Думаю, в электронной почте это невозможно в такой мере. Конечно, и раньше были письма, которые отправляли с посылными, и они быстро доставляли ответ. Но это тоже всегда учитывалось, хотя бы безотчетно. Письма на бумаге всегда глубже, обстоятельнее, я бы даже сказал, фундаментальнее, на компьютере этого так не воспроизвести. Там всегда будет некая поверхностность, пусть легкость, но и,– он шелкнул пальцами,– потеря глубины и точности интонации.

Тут все мы, подняв головы, обнаружили с удивлением (кажется, и он сам тоже), что перед столиком стоит, словно материализовавшись от его щелчка, официант с подносом. Мне так и осталось неясно, то ли он подошел в ту самую секунду, то ли, заслушавшись, как и мы, ждал паузы. Два бокала пива и два бокала вина выставили на столик перед нами, а также большую общую тарелку с сыром и вазочку фисташек к пиву. А. N. взял поставленный перед ним бокал в руку, но пробовать вино не спешил.

– Письменный текст существует совершенно иначе. Абстрактно он сам составляет контекст и ситуацию для себя самого, но условием интерпретации будет помещение его в иной контекст, создаваемый самим интерпретатором. Интерпретатор лишен непосредственного контакта с автором, поэтому он всегда вынужден воссоздавать ситуацию обращения к нему автора, исходя из своего представления о нем, какого-то понимания и т. д. Кажется, Гадамер говорит о некоем предпонимании, но мне кажется это не совсем верным. «Предпонимание» неизбежно предполагает некое «раньше». Я же полагаю, что происходит это одновременно, в момент чтения. Конечно, некоторое предварительное знание об авторе всегда присутствует, пусть даже минимальное (мне как-то доводилось в ситуации изоляции от книг найти книгу без обложки, без указания автора и названия, но и тогда я знал, что у текста есть автор)... Иначе говоря, эти предварительные знания – просто информация, это еще не создает контекста. Контекст в конечном итоге создает читатель, только он один, опираясь на самого себя, на свой опыт, свой интерес, свою оптику мира; предварительную информацию он может использовать, а может отбросить как ложную. Текст в этом случае – только фундамент, на котором интерпретатор строит здание понимания. Поэтому один и тот же текст может быть понят совершенно по-разному. И даже должен был бы быть понят именно так, если бы наша культура и сама жизнь не навязывала столь единообразные шаблоны понимания. Что касается текстов исторически отдаленных, то в них сохраняется только философская часть – вечные проблемы и вопросы – то же, что было актуальным в момент написания, может заинтересовать только специалистов-историков, и то должно быть ими заново проинтерпретировано. Замечательным примером этого может служить драматургия – текст всегда один и тот же, но спектакли будут совсем разные.

– Таким образом, Вы полагаете, – заговорил Борис, – что письменный текст никогда не может быть истолкован точно в согласии с авторским замыслом? И, выходит, что любая герменевтика бессмысленна?

– Не совсем так. Герменевтика родом из экзегетики, а само рождение экзегетики далеко не случайно. Что послужило причиной ее рождения?

Очевидно, что необходимость правильного понимания священных текстов. Пока объектами толкований были языческие тексты, повествующие о воле богов, а толкователями – жрецы или пифии, такие толкования были уместны и даже необходимы, когда же предметом истолкования оказались тексты единого Бога – толкование по необходимости тоже должно было стать единым, вокруг этого и развернулась сразу борьба партий и школ. Собственно, все страсти, начиная с первых соборов и вплоть до самого Лютера, а потом и позже – все это можно было бы назвать «страстями по герменевтике». Для верующего в Богоданность Священного Писания одна истинная герменевтика не просто возможна, но необходима. Но может ли сохранять такую же цельность замысла и строгость направленности обычный человеческий текст – это вопрос спорный.

– Но может быть, дело не в том, устный текст или письменный, а в том, насколько он, как Вы сами сказали, соотнесен с внешними обстоятельствами, вписан в контекст?

– Именно так. «Устный» и «письменный» не следует понимать совсем уж буквально в данном случае, что я пытался показать. Это скорее предельные случаи, идеальные образцы. «Устным» может быть письменное сообщение, письмо или записка, важнейшая черта здесь – ориентация на конкретного в той или иной мере знакомого адресата и учет, как вы правильно сказали, всего контекста. Здесь само бытие адресата, как я говорил, вызывает обращение к нему, его природа определяет характер кода и структуру речи. С «письменным» текстом все обстоит иначе, вот такая вещь как лекция на одном уровне будет «устной», а вместе с тем «письменной». Письменной будет как раз содержательная часть, не случайно она и хуже всего усваивается, и допускает толкования. А вот устная сторона понятна и усваивается легко.

– Но математические тексты тогда являются исключением. Они не нуждаются в интерпретации. Их же нельзя отнести к «устной» речи.

– Почему же нет? Я же сказал, что термин «устная» – весьма условен. Математические тексты (и не только они) существуют исключительно внутри некоего ограниченного поля. Оно полностью определяет и задает их контекст. Это поле искусственно задается аксиоматикой. Тот факт, что такое поле не абсолютно, что его границы часто размыты, здесь не важно. В рамках такого искусственно заданного контекста понимание тем строже и жестче, чем строже задающая его аксиоматика. И сюда относятся не только математические тексты, но и тексты многих других наук, где возможна и существует аксиоматика, явно или неявно, например, в биологии или лингвистике. Сложности возникают, когда этот контекст пытаются сделать полностью замкнутым. В принципе, наверно, это

возможно, но за это пришлось бы расплачиваться отсутствием связи с внешним миром, что лишило бы содержание текстов внутри такого пространства практической ценности. Если же связь с внешним миром все-таки сохраняется, то здесь единство смысла сразу утрачивается и открывается возможность для толкований. Та же теорема Геделя о неполноте или принцип дополнительности Бора, вынесенные за пределы той области, в рамках которой они были созданы, обрастают бесконечным количеством толкований и смыслов, о которых часто нельзя однозначно сказать, корректны они или нет. Толкование сразу оказывается возможным и, по сути, бесконечным.

– Но тогда, выходит, что для «устной» речи герменевтика не нужна, и без нее все понятно, а для «письменной» бессмысленна, так как бессильна.

А. Н. снова внимательно посмотрел, теперь уже на Бориса. Потом опустил глаза, словно подыскивая ответ, потом переменял позу и начал говорить, одновременно доставая из сумки трубку, пачку табака, и какие-то еще вещи. Также продолжая говорить, он взял со стола салфетку и начал чистить трубку.

– Может быть, в определенной мере это именно так, кто знает? Но это открытие двадцатого века, когда «Бог умер» и стало возможным усомниться в том, что в истории есть законы и смысл. До того как такой взгляд на мир возобладал, мир прочитывался совершенно иначе, в нем был смысл, который разум стремился разгадать. Поэтому герменевтики Шлейермахера или Дильтея оказывались возможными, для понимания автора его нужно было поместить в универсальный контекст – для Шлейермахера, например, Божественный, тогда любой конкретный автор оказывался исторически ограниченной формой выражения некоего единого и вечного, то есть внеисторического Божественного контекста. Зная цель и конечную устремленность автора, мы могли понять специфику той исторической формы, которая определяла особенности его языка и мышления. Для Дильтея место Божественного духа занимал уже дух исторический, который обретал свою форму (свою «плоть») в конкретном тексте конкретного автора; это принуждало его фокусировать внимание не на вечном контексте – он уже не позволял себе «ссылаться» на Бога, – а на индивидуальных особенностях, что и привело его в конечном итоге к разработке категории «переживания» или «вчувствования», как стали говорить позже. Хайдеггер же пошел еще дальше. Он уже не мог говорить ни об истории как едином процессе, ни о ее смысле, поэтому для него мир «замкнулся» исключительно на человеке (как он замкнулся когда-то у Кьеркегора), но сам субъект может обрести смысл только через отношение к началу вне его, и таким смыслоконституирующим началом у Хайдеггера

оказывается, как известно, Бытие, но осуществляет оно себя только в рамках человека и посредством интерпретации. Гадамер же попытался представить это не как субъективный акт, а скорее как некое институциональное действие, как своего рода «практики» сразу групп людей – историков, лингвистов, философов, психологов и т. д. Поэтому его герменевтика не является методом, у нее нет соответствующих единых на все случаи характеристик, в каждый момент истории она представляет что-то новое.

– Тогда получается, что все дело в контексте? – Не выдержал я. – Если контекст четко определен, то герменевтика не нужна, все сообщение исчерпывается буквальным смыслом. Если же контекст не задан достаточно строго, то герменевтика порождает ряд смыслов, которые в каком-то плане конституируют бытие самого интерпретатора. Так, да?

А. Н. набил трубку табаком и закурил.

– Нет, это кажущаяся простота. Само понятие «контекст» еще ничего не проясняет. У него нет однозначных рамок и устойчивых границ. Контекст для математической статьи и для математической лекции может быть различным, а может быть общим. Иногда субъект – неотъемлемая часть контекста, а иногда он не столь важен, достаточно, например, того, что он знаком с математикой, знает ее аксиоматику. А в ряде случаев этого недостаточно, существенным оказываются уже личные характеристики субъекта – все то, что Хайдеггер описывал как «преднахождение» в ситуации, а Гадамер называет «предрассудками».

Например, можно себе представить Гейзенберга и Эйнштейна совместно читающими статью Бора. Они оба понимают ее смысл, но понимание их различно, один соглашается, скажем, другой категорически отказывается принимать изложенное. Возможно, что здесь обнаруживается существенное расхождение в изначальной аксиоматике. Но и это расхождение чем-то определено. Аксиоматика же неизбежно отсылает к отношению с миром, к бытию. Выходит так, что контекст – это мера присутствия бытия в сообщении. Такой поворот дела не проясняет задачу, а скорее делает ее неразрешимой.

– У меня тоже есть вопрос, – сказала Катерина. – Можно ли все-таки как-то определить или конкретизировать «контекст»? Точнее, можно ли провести, как говорил Поппер, «демаркационную линию» между видами контекста, отделив «устную» речь от «письменной»?

А. Н. долго не отвечал, глядя на вино в своем бокале. Наконец он сказал:

– Думаю, в принципе они могут быть формализованы и разведены. Но можно их разделить и без формализации. Условно говоря, устная речь

всегда лишена отношения к бытию, письменная – всегда его сохраняет. Именно эта открытость бытию придает письменному тексту потенциально бесконечность смыслов. Поэтому текст перерастает сам себя. Он оказывается тогда медиатором для трансцендентного.

Снова возникла пауза.

– Я всегда считал, – заговорил Борис, – что следует различать понимание и интерпретацию. Понимание – это одно, это усвоение смысла, того, что говорит автор. А интерпретация – их много, здесь какой-то психоанализ, можно получить все, что угодно. Интерпретация – результат методологии толкования, а смысл – он сам говорит о себе, сам являет себя вне всяких методологий. Его методология, возможно, задана автором, но не воспринимающим. Поэтому воспринимающий или, как вы говорите, адресат, должен еще найти оправдание для своего метода. А для смысла этого не нужно.

– Но если посмотреть на существующие «оправдания» методов, например, того же психоанализа, он оправдывает себя исключительно контекстом. Это заметно уже в «Толковании сновидений», а дальше становится общим правилом. Контекст же неизбежно ведет нас к бытию. Так как бытие не поддается схватыванию, фиксации, то тем самым его привлечение и позволяет в конечном итоге бесконечно варьировать его присутствие в тексте, что и порождает бесконечную возможность интерпретаций. Возможно ли единое отношение к бытию? Этого пыталась достичь схоластика, но в конечном счете, ей не удалось. Схоластика пыталась исходить при этом из самого Бытия-Бога, из Его непознаваемости, но познаваемости в меру Его присутствия в мире. То же стремление мы можем видеть и у Декарта – достаточно найти универсальный метод, что возможно при последовательной и непрерывной (сегодня так и хочется сказать – методологически строгой) опоре на разум, некую точку в бытии (*cogito*), и тогда мы получаем строгость единственной картины. Последней попыткой в этом направлении можно считать гуссерлевскую феноменологию.

– А Витгенштейн и Венский кружок с их стремлением к строгости и точности? С проектом физикализма?

– Витгенштейн принадлежит другой традиции, как я полагаю. К ней можно было бы отнести не только Венский кружок, но и Гилберта с его проектом оснований математики, и даже Бора с Гейзенбергом. И многих других, конечно.

– Рассела, Мура...

– И даже Поппера, но в большей степени – Лакатоса. Но не Фейерабенда и не Куна.

– Почему их – нет?

– В основе традиции, о которой я говорю, стоит, безусловно, Кант. По сути, это стремление устранить бытие как область непознаваемого и добиться строгости знания за счет этого отказа. То есть задается строгая аксиоматика, одна из основных аксиом которой гласит, что «нельзя говорить о том, о чем говорить нельзя». Если такую аксиоматику удастся задать, тогда достоверное знание о мире оказывается возможным. При таком положении дел герменевтика превращается в строгий метод, и мы получаем достоверное знание в рамках ограниченного пространства, за пределами которого мы ничего достоверно знать уже не можем.

– А если все существенное для жизни лежит по ту сторону аксиоматики?

– С этим ничего нельзя сделать. Такое, конечно, возможно, но нужно ограничиться зоной достоверного. Что толку мечтать о недостижимом и невозможном? Но проблема возникла в самой возможности такой аксиоматики. Такая аксиоматика, ограничивающая бытие, как оказалось, сама должна строиться через отношение к нему. Кант это отчетливо понимал, и ему удалось этого избежать. Но его аксиоматика все же оказалась сама недостаточно обоснованной, как показало дальнейшее. Здесь таится парадокс: строгости можно добиться только устанавливая ее нестрогим образом, почти силой. Классический пример – геометрия Евклида: абсолютно стройная и строгая конструкция внутри, но сами ее основания не выдерживают ее же внутреннего критерия строгости. И эта ситуация воспроизводилась вновь и вновь – у Канта, у Кантора, у Гилберта, у Витгенштейна... Кстати, очень неплохое вино. А как пиво?

Я в этот момент как раз пил, не отрывая глаз от А. Н. и, честно говоря, от неожиданности вопроса чуть не поперхнулся. Еще я с удивлением заметил, что выпил уже почти весь бокал, но вкуса не чувствовал.

– Нормальное, – единственное, что удалось мне выдавить из себя.

– А вам вино нравится? – теперь он обращался к Катерине.

Она улыбнулась то ли растерянно, то ли мечтательно. Потом кивнула. А. Н. докурил, выбил пепел из трубки и начал ее чистить. Больше о герменевтике речь не заходила.

Сергій Шевцов

HOMO DICENS I HOMO SCRIBENS

Стаття оформлена у вигляді діалогу. Предметом розгляду є проблема тлумачення. Можливість однозначного тлумачення визначається вихідними характеристиками тексту. Тексти розрізняються по

можливості їх співвідношення з поняттям буття. Письмовий текст представлений як медіатор трансцендентного.

Ключові слова: текст, сенс, буття, адресат, адресант, тлумачення.

Sergry Shevtsov

HOMO DICENS AND HOMO SCRIBENS

The article is issued in the form of dialogue. The subject of consideration is the problem of interpretation. The dialogue begins with a question about the possibility of a single correct interpretation of the text. The article defends the view that the possibility of unambiguous interpretation determined by the original characteristics of the text. The distinction between oral and written language is presented as a fundamental feature of any discourse. Also considers the role of the addressee in the communication. The addressee is regarded as a connecting link between speech and being. The texts differ in their possible connection with the notion of being. Because of this there is the opportunity to ask the ontological dimension of interpretation. Written text is presented as the mediator of the transcendental. Understanding and interpretation are presented as constituting of the view of the world.

Keywords: text, meaning, being, addressee, addresser, interpretation.